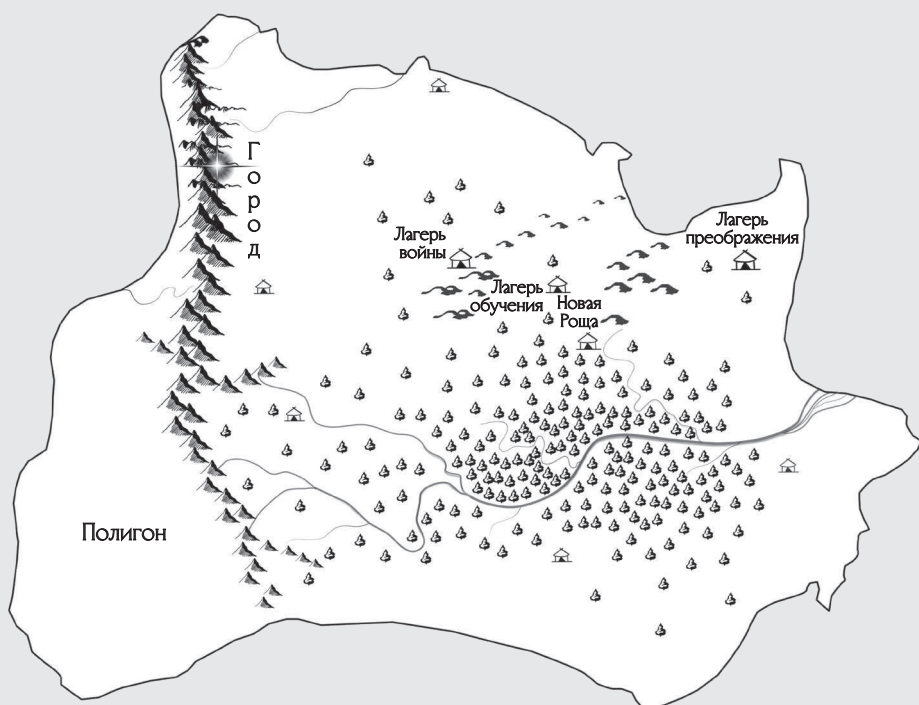

ЗЕМЛЯ ЗВЕЗД

после преобразования

Влада Медведникова

ДЕТИ ВОИНЫ

Цикл «Песни звезд»

Книга II

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
М42

ДЕТИ ВОЙНЫ
Влада Медведникова

Книга издана с согласия автора

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Медведникова, Влада.

М42 Дети войны : [роман] / Влада Медведникова. — Москва : Popcorn Books, 2023. — 320 с. — (Песни звезд).

ISBN 978-5-6048365-7-6

Военное время кончилось, и для темного народа наступила долгожданная эпоха преображения. Но как тем, кто жил ради сражений и победы, найти свое место в меняющемся мире? Мельтиар — бывший предводитель армии; Бета — простой воин, младшая звезда. Они растеряны и страдают от тяжелых потерь. Но вскоре они узнают о древнем пророчестве, которое гласит, что после войны темному народу суждено отправиться в далекий путь. А значит, для предвестников Мельтиара найдутся новые задания.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6048365-7-6

© Влада Медведникова, 2015
© Издание, оформление. Popcorn Books, 2023
Cover art by © Ashley Mackenzie, 2023

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

1

Мое время кончилось.

Утренний ветер гонит его к западу, оно тает вместе со звездами, с ночной темнотой. Скоро даже памяти о нем не останется. В каждом вдохе — рассвет, голос нового дня.

Мое время кончилось, но я жив.

Я смотрю на горы. Черная стена, иссеченная перевалами, поднимается к небу, зовет меня и помнит. Там мой дом, я прожил в нем всю жизнь, но не могу вернуться.

Я не слышу моря, но знаю — оно рядом. Отголоски шторма налетают ветром, путают волосы, остаются на губах вкусом пыли и вереска. Пыль и вереск повсюду, равнина колышется серебристыми волнами, и насколько хватает глаз — нет никого. Я наедине с беспомощностью и утром.

Мои мысли исчезают, как звезды, я не могу удержать их. Лишь пять голосов, сплетенных неразрывно, звучат снова и снова.

Они говорят: «Мы прощаем тебя».

Они гремят в жарком сплетении темноты, их сияние оглушает. Я хочу ответить, хочу понять — но тону, гасну, рассвет уносит меня.

Пыль, вереск и небо — и больше ничего.

2

Я поняла, что сплю, когда Тарси позвала меня. Ее голос, как всегда отчетливый и ясный, прозвучал громче выстрелов и взрывов. Отдалились запахи пороха и гари, враги распались на клочья дыма, земля стала полупрозрачной.

Бета, зайди ко мне.

Еще не в силах разлепить глаза, я отбросила одеяло, поспешно нашарила одежду. Я должна торопиться — старшая звезда зовет меня. Наверное, нас перебрасывают на другой фронт, или сейчас начнется атака, или...

В воздухе был привкус электричества, издалека доносился тихий стук металла, движение лопастей. Я открыла глаза.

Комната младших звезд. Это место я всегда называла домом, но последние годы бывала здесь редко. Высокие стены, двухъярусные откидные кровати, белые светильники, ширма, отделяющая уголок нашей команды.

Я мотнула головой, отбросила остатки сна.

Война закончилась, мы победили. Эджаль, в котором мы скрывались и ждали призыва к битве, — уничтожен.

Атанг, главный оплот врагов, — уничтожен. Разрушены крепости всадников, ни одного захватчика не осталось в мире. Мельтиар собрал на побережье тысячи своих предвестников, всех нас, и сказал: «Это ваша победа». Война закончилась.

Мне нужно торопиться — ведь моя старшая звезда, Тарси, зовет меня. Но сражения сегодня не будет. Война позади.

В комнате было тихо и пусто — никого, только я. И душа казалась пустой — наверное, потому, что, пока нас не было в городе, на него обрушилась беда. Невозможно поверить в то, что случилось, но я знала — все правда. И от этого вкус триумфа потускнел, остался там, на побережье, среди восторга и криков. Я могла лишь повторять: «Война закончилась», — а ощутить этого больше не получалось.

Вчера ночью мы сидели втроем: я, Кори и Коул. Мы пили за победу, но вино было слишком легким и сладким, а печаль, пронзавшая город, — слишком тяжелой. Кори сказал: «Меня могут перевести из армии». Он плакал, когда говорил это, и был так уверен в своих словах. Но мы все от рождения служили войне, что еще мы можем делать?

Наш город и весь наш народ поделен на восемнадцать секторов, у каждого — свой цвет и своя задача. С раннего детства мы с Коулом и Кори учились сражаться. Мы не умеем читать будущее по зеркалам, как пророки, или чинить механизмы, как звезды технического сектора. Наше место в армии, зачем нас переводить куда-то?

А сейчас в комнате не было ни Коула, ни Кори.

Я зажмурилась, чтобы не расплакаться, и сказала себе: они просто встали раньше, они уже у Тарси, я встречу их там.

Всю войну я прошла в одежде скрытых, в военной форме врагов. Но теперь настало наше время: я могу ходить в черном, как полагается предвестникам Мельтиара.

Я вытащила из-под кровати ящик, натянула черные штаны и майку. Но куртку не нашла, а за новой идти было некогда — и я надела светлую куртку врагов. Война оставила на ней следы, и черная повязка на рукаве обтрепалась. Поговорю с Тарси, а потом сразу переоденусь.

Отброшу последнюю вещь из скрытой жизни.

— Ваша команда расформирована, — сказала Тарси. — Коула и Кори перевели.

Сказала это спокойно, словно давала простые указания. Нашей команды больше нет, но для Тарси ничего не изменилось, она осталась прежней: уверенный взгляд и ровный голос, волнистая прядь волос падает на воротник, электрический свет отражается в черных пуговицах. И комната совещаний такая же, как была до войны: темный экран, скамьи вдоль стен, огни на сигнальной панели. Почему все как раньше, если нас разлучили?

Я всегда считала, что команда — это на всю жизнь. Самые близкие люди, они всегда рядом, что бы ни случилось. Как можно жить без команды? Где Коул и Кори сейчас? Когда я смогу их увидеть?

Почему их перевели без меня?

— Куда их назначили? — спросила я.

— Все сообщат позже, — ответила Тарси. — Пока что отдыхай.

Эти слова прозвучали как приказ. Я кивнула и вышла в коридор.

Прошла несколько шагов и остановилась.

Куда мне идти? Я хорошо знала эту часть города, но будто бы потерялась. Стояла и сжимала ремень ружья — его тяжесть давила на плечо, тянула вниз, успокаивала. Хорошо, что хотя бы оружие осталось со мной. Мимо шли люди, разговаривали и смеялись, каждый знал свою

дорогу, у всех была цель. Но не у меня — куда мне идти, зачем?

Я даже не успела попрощаться, когда я теперь их увижу?

— Бета? Что случилось?

Я обернулась на голос.

Вэлти остановился рядом, осторожно взял меня за плечо — словно боялся, что я вырвусь и уйду, не ответив. Наклонился ко мне, смотрел встревоженно, и я не смогла промолчать.

— Коула и Кори перевели, — сказала я. — А я даже не знаю, куда.

Вэлти тяжело вздохнул — моя боль коснулась его, проникла в душу. Я видела: он ищет слова, думает, как меня подбодрить.

Вэлти — хороший человек, и мы очень давно знакомы, даже были вместе одно время, правда, недолго. Мы в чем-то похожи: у него такие же светлые волосы, как у меня, и он тоже предпочитает тяжелые ружья. Но я была скрытой, а он — стрелком города, и в его команде семь человек, а не трое.

— Наверное, перевели в сектор преобразования, к Аянару, — сказал он. — Сейчас многих перевели к нему.

Я не могла представить Коула и Кори предвестниками Аянара. Как они будут преобразовывать мир? Нас не учили этому, мы готовились только к войне.

— От вас никого не забрали? — спросила я у Вэлти.

Он покачал головой.

— Все на месте, и машина тоже. Полетишь с нами? Просто так, посмотреть на мир.

Посмотреть на мир, в котором больше нет захватчиков. Может быть, я снова смогу ощутить победу.

Я улыбнулась и сказала:

— Конечно.

Я сидела напротив Вэлти, возле двери, и смотрела, как борта светлеют, становятся прозрачными. Машина поднималась все выше, разворачивалась над горами. Их черные склоны вонзались в землю, а у подножий серебрилась равнина, холмами спускалась к берегу моря. Оно пенилось бурей, неслышное и нестрашное с высоты.

Кто-то протянул мне бутылку, но я смогла сделать лишь глоток. Сладкий вкус вина был вкусом прошлой ночи, когда мы все еще надеялись, что если нас переведут — то всех вместе. Может быть, хотя бы Коула и Кори не разделили? А меня не взяли, потому что я ничего не умею, могу только стрелять.

— Эй, не грусти, — сказал воин, сидевший рядом. — Хочешь, слетаем туда, где ты была скрытой? Какой это город, Нарар?

— Эджаль, — ответила я.

Машина теперь снижалась, шла по широкой дуге, и я смотрела, как приближается земля. Пустая дорога петляла среди серых холмов, словно лента, брошенная в песок, вдалеке виднелись домики, крохотные, почти бесцветные. Там раньше жили враги, они бежали, а деревня осталась как память о неволе.

Скоро все изменится. Исчезнут все следы врагов: дороги, дома и поля. Сама земля станет другой. Но сейчас жилища захватчиков еще стоят, хоть их самих больше нет, — может, если я войду в это заброшенное селение, то снова смогу ощутить триумф?

— Я не хочу в Эджаль, — сказала я. — Высадите меня, похожу тут одна.

— Тут? — Вэлти нахмурился, качнул головой. — Но тут ничего нет.

— Высадите меня, — повторила я.

Мне было стыдно, что я говорю так упрямо, что не пью и не радуюсь вместе со всеми. Но я ничего не могла поде-

лать. Я расстроюсь еще сильнее, если полечу дальше в этой машине. Мне нужно выйти, нужно побыть одной.

Пилот обернулся, сочувственно улыбнулся мне — и машина устремилась вниз, зависла у самой земли. Борт медленно раскрылся. Я встала, крепче затянула перевязь ружья.

— Когда нам за тобой вернуться? — спросил Вэлти.

— Не возвращайтесь, — сказала я. — Сама дойду до города. Встретимся там.

Я спрыгнула на землю и, заслонившись рукой, смотрела, как машина набирает высоту, превращается в черную искру, исчезает в небе. Порыв ветра унес запах разогретых двигателей, остались лишь ароматы трав и привкус пыли.

Привычная тяжесть оружия вернула мне уверенность, и я поудобнее перехватила ремень, пошла вперед. В сторону моря, к деревне врагов.

Я не знала, сколько придется идти, — отсюда не видно было ни домов, ни берега, лишь пыльные холмы, ковыль и вереск. И горы — черная стена, знакомый ориентир, дом.

Запах вереска дурманил, заставлял дышать глубже. Было ли так до войны? Эта равнина всегда казалась мне бесплодной, бесцветной. Разве раньше ветер качал здесь серебристые волны соцветий, разве ощущалась сила в земле, все сильнее, все полней с каждым шагом? Мир изменился, это правда. Он меняется каждое мгновение.

Вереск зашелестел под порывом ветра, прильнул к земле — и я увидела впереди черный росчерк. Волны травы колыхнулись вновь, разошлись, и стало ясно — там человек. Лежит на земле, один.

Война кончилась, но беда может настигнуть и в мирное время. Я должна помочь.

Я подбежала, наклонилась — и узнала его.

Он смотрел в небо, глаза едва заметно двигались, словно он следил за облаками. Волосы разметались среди раздавленных стеблей и цветов, их запахи оглушали.

Но еще оглушительней были потоки его силы. Они грохотали, пронизанные тоской, — я чувствовала это, даже не прикасаясь.

Я позвала его:

— Мельтиар?

Он не ответил.

Я знала, что не должна его тревожить, должна уйти. Он — мой лидер, а я — самая младшая звезда, видевшая его всего несколько раз в жизни, издавека. Раз он здесь, значит, так нужно, я не должна его беспокоить.

Только с ним что-то случилось, ему плохо — иначе почему он тут, один? Он победил и должен сейчас праздновать. Но горе, обрушившееся на город, полоснуло Мельтиара сильнее других, ему нужна помощь, это ясно. Я сообщу, и сюда прилетят те, кто знает, что делать.

Тарси! — позвала я. Но мысль растворилась, не дотянувшись до моей старшей звезды. Я позвала снова — и опять слова не нашли путь. Словно связь между нами исчезла.

Что-то случилось, но я не могла сейчас об этом думать.

— Мельтиар, — сказала я и коснулась его.

Он сжал мою ладонь и взглянул на меня. Его рука была горячее, словно в жилах текло пламя. Он смотрел на меня, но как будто не видел.

— Пойдешь со мной? — спросил он.

Я кивнула:

— Да.

Он встал, не выпуская мою ладонь, запрокинул голову, глядя в небо. Он был таким высоким — я не доставала ему до плеча. Его длинные волосы спутались, пахли вельеском.

Что мне делать? Машина Вэлти не прилетит сюда, я сказала им не возвращаться за мной. До города идти далеко. Но рядом покинутая деревня врагов, нужно отвести Мельтиара туда. Может быть, Тарси услышит меня или просто появится кто-то. Или Мельтиару станет лучше, он придет в себя.

— Не бойся меня, — внезапно сказал он.

Встретился взглядом со мной, и почудилось — теперь он меня видит.

— Я не боюсь, — ответила я.

— И за меня тоже не бойся. — Он взмахнул рукой, указал на небо. — Такой яркий свет, я пройду сквозь него. Мы встретимся с той стороны.

Я видела людей, сломленных войной и потерями, заблудившихся среди видений и боли. Но как могло с Мельтиаром случиться такое?

Не отпуская его руки, я направилась вперед, к деревне, спрятавшейся за горизонтом, — и Мельтиар пошел следом за мной.

— Тебе скажут, — проговорил он, — что ничего не выйдет. Но не слушай. Мы должны сражаться. Я отброшу их. Уничтожу их.

— Ты уже их уничтожил! — возразила я. — Мы победили.

— Я уничтожу их, — повторил он, глядя в небо, а потом снова спросил: — Ты пойдешь со мной?

— Да, — сказала я.

Я шла с ним, через вереск и пыльное бездорожье, и вокруг не было ни души, словно весь мир опустел.

3

Я слышу свой голос, понимаю слова, но смысла в них нет. Они доносятся с края земли, реальность расплывается пятнами, яркими и тусклыми. Я далеко, среди невидимых звезд, в холодной бездне.

— Есть пять миров, — говорит мой голос, — и мы к юго-западу от сердца льда. И если отправиться в путь, если переплыть море...

Эти слова так бессмысленны, что я замолкаю. Явь проступает вокруг меня, очертания становятся ясными, предметы обретают плотность и вес.

Закатный свет падает на деревянную поверхность стола, окрашивает его золотисто-алым, касается моей ладони. Мои пальцы сжимают чью-то руку: тонкую, но сильную, загорелую. Чужая тревога дрожит и звенит в моей ладони, вливается в душу, стремится к сердцу.

Я поднимаю взгляд и вижу девушку. Вечернее солнце в светлых прядях волос, глаза темные и теплые, ищущие. Печаль таится в них, но не может вырваться наружу. Эта девушка сильная, как любой воин. Она сидит за столом на-

против меня, ее рука в моей руке, а рядом лежит оружие: черные стволы, металл, пропитанный магией и памятью о войне.

Девушка ловит мой взгляд и словно светлеет. Тревога в ее крови на миг вспыхивает ярче и тает, сменяется радостью, живой и прозрачной. Будто появился путеводный луч, больше не нужно блуждать во тьме.

Так и есть, ведь она — мой предвестник.

— Кто ты, предвестник? — спрашиваю я.

— Тебе лучше! — Ее голос такой же теплый, как взгляд. Она спохватывается, добавляет поспешно: — Я Бета. Тарси-Бета.

Бета — «маленькая звезда». Это значит, ее звезда еще не зажглась на небе или ее имя еще неизвестно. Просто — маленькая звезда. Золотая, как солнечный свет. Перед ее именем — имя куратора, чтобы отличить ее от других маленьких звезд.

Но все они разные, и ее невозможно ни с кем спутать.

Мысль привычно скользнула, стремясь коснуться моих предвестников, всех их, каждого, — и замерла.

Бете нельзя быть тут, нельзя говорить со мной. Никому нельзя.

— Почему ты здесь? — спрашиваю я. — Приговор отменили?

— Приговор? — повторяет Бета и хмурится чуть заметно.

Что мой голос говорил ей, пока сам я блуждал за краем мира? Она смотрит на меня внимательно, беспокойство вновь искрится в ее пальцах.

Я пытаюсь вспомнить приговор дословно, хочу повторить его вслух. Но память, словно ветер в железных лопастях, разбивается на сотни потоков. Я пытаюсь удержать хоть один, но не могу.

Мое время кончилось, я простился с Арцей, отправился наверх, в чертоги тайны, слушать, что скажут мои старшие звезды. Я был на суде, меня простили, но я осужден. Я не должен приближаться к своим предвестникам, не должен говорить с ними.

Это все, что я помню. Сияющий свет, пять голосов, звучащих вместе, читающих приговор. За что меня судили? Я знаю свою вину, я виноват во многом. Но почему не помню, за что именно они наказали меня?

Я смотрю на Бету. Вечерний свет преломляется в ее зрачках, она крепче сжимает мою руку, ждет. Но мне трудно говорить, и я распахиваю перед Бетой свои мысли, показываю все, что знаю о приговоре.

В ее глазах смятение. Несколько мгновений она молчит, а потом произносит, упрямо и твердо:

— Я ничего не знаю об этом. Тарси мне не приказывала такого, и ты не приказывал. Ты говорил странные вещи весь день, тебя нельзя оставлять одного.

Весь день?

Где мы? Сколько времени прошло с тех пор, как я оставил Арцу?

Я поднимаюсь из-за стола, но не разжимаю пальцы, и Бета встает вместе со мной.

Деревянный пол, низкие стропила, засыпанный золой очаг, остов газового фонаря на окне. Город далеко, мы в доме, где прежде жили враги. Как я оказался здесь, как здесь оказалась она? Пустое жилище, на столе оружие, принесшее нам победу. Моя младшая звезда рядом со мной.

Она смотрит на меня снизу вверх, встревоженно и упрямо, словно повторяет мысленно: «Тебя нельзя оставлять одного». Ее свет такой лучистый, рядом с ней я кажусь себе застывшим осколком. Мои мысли скованы холодом, заледенели, но она хочет отогреть их. Моя душа замерзла,

но сердце раскаляется, я горю. Я наклоняюсь к ней, она отвечает на поцелуй.

Жаркий грохот темноты настигает меня, настигает Бету, мчится сквозь нас.

Я просыпаюсь. Ночь, голоса сверчков, тепло маленькой звезды возле меня, ее дыхание на моем плече говорят мне, где я. Лунный свет падает на постель, серебрит волосы Беты. Они текучие, мягкие, я перебираю их.

Мои движения будят Бету, она открывает глаза.

Сон еще туманит ее зрачки, она смотрит, будто не веря, что я настоящий. Я касаюсь ее губ — *я не снюсь тебе, Бета*, — поднимаюсь с постели и подхожу к окну. Волосы падают мне на лицо — в них запахи вереска, чужого дома и Беты.

Мы на втором этаже, я смотрю из окна. Там, внизу, — деревня-призрак. Дома, дворы и ограды застыли среди лунного света. Ни шагов, ни дальних голосов, ни лая собак. Лишь ветер, качающий калитку, и пение сверчков. Скоро это селение исчезнет. Здесь зажурчат ручьи, поднимется лес или взойдут высокие травы. Мир будет меняться день за днем, пока не воспрянет, не проснется полностью.

Это время преображения.

Я поднимаю взгляд к небу. Луна сияет ярко, но не может затмить одну из самых ярких летних звезд. Уже осень, но она все еще не опустилась к горизонту, словно хочет утешить меня или со мной попрощаться. Амира. Погасла на земле, сияет теперь только в небе.

Ни один приговор не вернет ее. Ни одно наказание не искупит моей вины.

Бета подходит почти неслышно, обнимает меня. Мы стоим, глядя на звезды, и она говорит:

— Может быть, не всех тебе нельзя видеть? Может быть, только тех, кого перевели?

Сны еще дрожат в ее голосе и на кончиках пальцев, ее пробуждение зыбко. И сквозь тревогу за меня, сквозь решимость и смелость я слышу печаль — глубокую и темную, как морская вода.

Я сжимаю плечо Беты, спрашиваю:

— Что случилось с тобой?

Она молчит, но потом поднимает глаза, говорит совсем тихо:

— Мою команду... перевели. Всех, кроме меня.

Она одна.

Я обнимаю ее крепче, прижимаю к груди. Она одна. Струны ее души разорваны, команда разбита. Она тревожится обо мне, но со мной ничего не случится. И я могу помочь ей, пусть и немного.

Сила, живущая в моем сердце, в потоках темноты, в звуках флейты, в движении магии и биении крови, — устремляется вперед, касается Беты, наполняет ее душу. Хотя бы в этом я могу помочь.

— Я с тобой, — говорю я Бете.

Я хочу сказать это всем, кто ждет меня. Рэгилю, блуждающему сейчас среди видений. Арце, умолявшей взять ее с собой. Моя мысль рвется к ним — но говорить с ними мне нельзя. Я хочу сказать это Амуре — но она так далеко, в небесной вышине.

— Я с тобой, — вновь говорю я Бете.

Она отвечает шепотом, чуть слышно. Ее слова тают на моих губах. Я чувствую, как печаль уходит в глубину ее души, а сердце становится горящим и легким. Мы пылаем вместе, небо смотрит на нас.